О. ШЕЛЛИНА (SHELLINA)

V ТОМ

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Литрес

О.Шеллина (shellina)

Последний бой. Том V

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70240921
SelfPub; 2024

Аннотация

Российская империя вынуждена вступить в войну. И Пётр едет с войском в Пруссию, оставляя дома жену с новорожденным сыном.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	51
Глава 5	67
Конец ознакомительного фрагмента.	79

О.Шеллина (shellina)
Последний бой. Том V

Глава 1

Мучительный стон пробился даже через плотно закрытые двери. Я обхватил себя руками за голову и пробормотал.

– Господи, почему так долго?

– Рождение – это не быстрый процесс, – Елизавета сидела со мной рядом, бросая мрачные взгляды на дверь спальни, из-за которой раздался очередной мученический стон. Это продолжалось уже почти семь часов, во время которых я места себе не находил. Вон уже и Елизавета успела прилететь сюда в Ораниенбаум, который вот уже два месяца как был полностью отремонтирован, включая оранжерею и картинную галерею, в которую привезли часть выигранных и перекупленных предметов искусств. Ее пришлось сильно для этого расширить и даже сделать пристройку, зато как был рад смотритель, словами не описать.

Оранжерея была еще пока практически пуста, это было Машкино детище, в котором она практически поселилась, доводя ее до совершенства. Из-за беременности ей было не рекомендовано появляться на людях, поэтому она выбрала

себе в качестве развлечения эту самую оранжерею, в которой я ее встретил, когда она приехала в Петербург.

Как только основные помещения были готовы, мы переехали из Петербурга сюда. Брюс довел мои начинания до логического конца, проведя и водопровод, и канализацию, и отопление, и даже успев выписать из Англии настоящие ватерклозеты, которые были там изобретены уже давно, только почему-то не пользовались спросом. Так что, когда мы вернулись из своего путешествия, оставалось только лоск навести.

Строение городка шло полным ходом, и уже начали вырисовываться его будущие очертания. В черту будущего города был перенесен мой стекольный завод, который разросся уже до неприличных размеров и требовал размаха. И, еще раз все решительно обдумав, мой драгунский полк вместе с конюшнями также начал обустраиваться в уже готовых казармах и офицерских квартирах, а лошади оценили удобства новых конюшен. Возле дворца расположились казармы, в которых размещались две полные роты гвардейцев, осуществляющих охрану. Как-то так незаметно получилось, что остатки Ингерманландского пехотного полка, половина которого осталась в Киле под командованием Назарова, был полностью восстановлен, и перешел под мое подчинение. Он был расположен в городке, у которого еще не было названия, рядом с драгунами, и специально для обучения с тренировок было отведено место под полигон. Плац был общий. А тут еще

из Тулы приехал неприлично довольный Данилов и привез свою усовершенствованную гаубицу, точнее десяток гаубиц, которые необходимо было изучить и опробовать. Вот этим они и займутся на досуге, тем более, что я выпросил у Елизаветы позволение включить в состав полка три артиллеристские роты.

Создание новой модели города спорилось еще и потому, что целая банда именитых ученых получила карт-бланш на исследование и внедрение различных новинок, способных облегчить жизнь городских обывателей, и теперь с радостью предавалась этому интереснейшему делу. Я только предупредил, что, если что-то взорвут, то восстанавливать будут за свой счет, на что Ломоносов лишь отмахнулся, заявив, что он не без понятия же. Я махнул рукой и позволил им творить все, что захотят. Им же там жить, не мне. Вот как построят, так и будет.

– Ты не передумал насчет переезда в Петербург? – я вынырнул из мыслей, в которых хотел спрятаться на все то время, пока Машка мучилась, и холодно посмотрел на Елизавету.

– Нет, мы то уже обсуждали, тетушка, причем не раз и не два. Я с семьей буду жить здесь, хотите вы этого или не хотите.

– Дерзкий мальчишка, – процедила Елизавета, бросив взгляд на дверь спальни.

Вообще, это была вялотекущая война. Тетка вбила себе в

голову, что мой ребенок должен воспитываться под ее присмотром, я же так не считал. Выдержав битву, достойную того, чтобы занести ее в анналы героических сражений, я отстоял свое право на личную жизнь, вместе с моей женой и ребенком. В последнее время у меня складывалось ощущение, что Елизавета с нетерпением ждала, когда Машка разрешится от бремени. Тогда я вполне мог куда-нибудь опять рвануть, причем один, потому что тащить с собой не отошедшую от родов женщину и грудничка может только полный идиот. И что-то мне говорило, что, когда я все-таки уеду, а это только дело времени, потому что скоро должны прийти корабли и я рвану с низкого старта в Голландию, Машка с ребенком тут же передут в Зимний. Если я еще мог противостоять Елизавете, ловко маневрируя и стараясь при этом не перегнуть палку, то вот с Великой княгиней тетка точно не будет церемониться. Так что, мне, похоже, после каждого возвращения из поездок, придется с боем вырывать жену с ребенком из лап Елизаветы. Точнее, ребенка, на Машку ей по большему счету наплевать.

Все эти месяцы, во время которых я сидел в Петербурге, были посвящены подведению итогов, составлению на основании этих итогов планов, и долгому и нудному убеждению тетки и Сената в том, что некоторые меры нужно приминать безотлагательно, а с некоторыми можно и подождать.

Далеко не все мои задумки находили отклик в голове Елизаветы, но кое-что она стала делать и без моего напо-

минания, например, началась масштабная чистка водоемов, прежде всего рек. Если она поначалу думала всего лишь оценить перспективы, и в будущем когда-нибудь начать расчистку, по правде говоря, я думал, что в итоге этим как бы не мне пришлось заниматься, то бурлаки умудрились внести свою лепту в ускорение этого процесса. Эти…хм, не совсем умные люди не додумались ни до чего лучшего, как накатать кучу жалоб, когда увидели представителей комиссии, оценивающей проходимость того или иного участка реки. Завязалась переписка, правда, не знаю, кто за нее отвечал со стороны Сената. В итоге разрастающийся скандал достиг ушей Елизаветы. Она по обыкновению попробовала влезть, но так завязла, что в конце концов взбесилась и составила такой указ, что я крякнул, читая его. От души тетка написала, с огоньком.

В общем, чистка русел рек уже началась. Достали много чего интересного. Сначала долго думали, куда свозить ил, но потом додумались, что это прекрасное удобрение, так что его даже не хватало. Также нашли залежи гравия и песка. Началось практически безотходное производство, песок и гравий шли на строительство дорог, которое финансировало благодарное купечество, причем отдавались они дорожным рабочим бесплатно, но с пересчетом, будут воровать, возмещать недостачу кому-то придется, особенно, если какой-то большой участок дороги останется без материала. Дело спорилось, все-таки, деньги – вот лучший стимул для работяг. Они

сами будут вкалывать тридцать шесть часов в сутки, без перерыва, если точно будут уверены, что им за это заплатят. Тут уж наоборот следить нужно, чтобы отдыхали достаточно, а не падали замертво.

Бурлаки, кстати, классический пример такой вот работы не за страх, а за совесть. Когда-то, когда я еще учился в школе, я искренне сочувствовал этим несчастным, которые тягали тяжеленые груженые баржи. И продолжалось это ровно до тех пор, пока я не узнал, сколько за сезон зарабатывали артели. И то, что это произошло уже здесь, не умоляет моего возмущения. Уж кто никогда не бедствовал на Руси, так это вот эти сирые и убогие. И самое смешное, все так привыкли к безнаказанности, то ли про них все всегда забывали, то ли чиновники, отвечающие за их деятельность так много на лапу получали, что не считали зазорным лоббировать их интересы, не знаю, не могу сказать, меня к этим разборкам близко не подпускали, но факт остается фактом – зашибали они гораздо больше, чем об этом принято думать, да еще и права привыкли качать так, что, мама не горюй.

В результате они доп… договорились. Как показала проверка больше восьмидесяти процентов рек можно было сделать проходимыми, остальное же падало на пороги, с которыми увы ничего сделать было нельзя, и там оставили немногочисленные артели, у представителей которых хватило ума вовремя заткнуться.

– И все-таки, я не понимаю, почему не могу присутство-

вать при рождении наследника, – Елизавета снова на меня недовольно посмотрела.

– Мы это уже обсуждали, тетушка, – я ответил ей таким же раздраженным взглядом. – Начать с того, что Мария сейчас производит на свет, прежде всего, моего наследника, и чем быстрее вы с этим смиритесь, тем будет лучше для нас обоих. Я не позволю использовать собственное дитя, как предмет манипуляций. И, да, я все еще герцог Гольштейн-Готторпский, поэтому мне есть, что передать моему ребенку, если вдруг случится нечто непредвиденное и малопрогнозируемое, – а вот я вполне мог все еще шантажировать тетку тем, что в самом крайнем случае заберу жену с ребенком и свалю в Кельн, пусть где-нибудь в другом месте наследников поищет. Елизавета только губы поджала, она не любила возвращаться к этой теме, но она постоянно сама собой возникала в наших разговорах, когда мы ссорились. К счастью, это происходило нечасто.

– Я уже говорила, что не претендую на то, чтобы отнять у вас дитя, – тетка резко сдала назад. Вот теперь она уже откровенно мечтает, чтобы я куда-нибудь свалил, желательно на подольше. Самое главное, она вовсе не думает про то, чтобы сменить цесаревича, просто она бездетна, а я уже не похож на ребенка от слова совсем. Я ее понимаю, но ребенка не отдам. Хочет принимать участие в его жизни, Ораниенбаум большой, вполне сможет вместить и ее с небольшой свитой. Но тогда придется от балов, маскарадов да других увеселе-

ний отказаться, потому что я специально сделал свой дворец максимально непригодным к слишком массовым и шумным мероприятиям. А на это она точно не пойдет. Это было видно по поджатым губам. Ничего, смирится с мыслью, что она всего лишь тетушка, а не мать.

– Я и не спорю, более того, я уверен, что вы не собираетесь отнять у нас дитя, – ответил я примирительным тоном. – Но туда, пока все не закончится, ни одна посторонняя нога не попадет.

– Почему? – она упрямо посмотрела на меня, а я лишь вздохнул. Ну как ей объяснить все эти элементарные правила антисептики? Ведь, когда начались схватки, я сидел здесь, укачивая страдающую жену, пока спальню в спешном порядке мыли, причем таким жестким щелоком, какой вообще смогли найти, а потом перемывали уже простой водой.

– Потому что ребенок, как и мать во время родов очень уязвимы, а на нас можно столько грязи с собой принести, что мало никому не покажется. И не надо мне говорит про баб, которые в поле рожают, – я поднял руку. – Если она дура поперлась в поле во время схваток, это ее проблема, а у нас, к счастью, хватает возможностей нормальные роды организовать. Поэтому, когда я говорил о том, что войти через эту дверь можно будет только переступив через мой труп, я нисколько не преувеличивал.

Мы опять замолчали, думая каждый о своем.

Самым своим большим достижением я считаю органи-

зацию этакой свободной экономической зоны в Астраханской губернии. Неплюеву удалось каким-то явно волшебным образом договориться практически со всеми казаками и просто старостами стихийно организованных деревень, которых оказалось до неприличия много, и в которых селились беглые крестьяне. Он действительно оказался просто непревзойденным дипломатом, и я погладил себя по голове за то, что догадался оправить туда именно его. Татищев тоже был хорош, но он привык многие проблемы решать кардинально, и в условиях сурового Урала, за которым его ждала не менее, а то и более суровая Сибирь, это, возможно, было правильно. Слишком далеко от центра, слишком сильна вольница, слишком много каторжников, много всего «слишком». В Астрахани нужен был другой подход. Там нужно было именно что договариваться, и у Неплюева, который большую часть жизни договаривался с алчным, беспринципным и могущим предасть в любой момент турецким диваном, это получалось лучше всего.

Когда я получил от него известия, то сразу же поспешил договариваться о создании экспериментальной экономической и политической зоны в границах отдельной губернии, чтобы ответить на его вопросы: а дальше-то что? Какие гарантии он может предоставить людям? Что ему вообще делать-то? Добился я этого с трудом и то, пойдя на определенные уступки в виде обещания, что не буду таскать с собой жену с детьми, когда мне шлея под хвост попадет, и я куда-то

засобираюсь.

Так что сейчас Неплюев пытался вникнуть в новую систему деловых отношений: не барин – крепостной крестьянин, а хозяин – наемный работник. Но уже сейчас изменения были на лицо, в первую очередь потому, что засеяли в этом году почти в три раза больше площадей, чем в прошлые годы. До этого плодороднейшая почва использовалась как попало, и чаще всего в качестве пастбищ для потравы скотом, которого тоже было не так чтобы много. Казаки в большинстве своем пытались обеспечить только себя, на все остальное им было наплевать, а крестьяне, которых просто до неприличия много нашлось, сильно не высовывались, чтобы внимания не привлекать. А так как Неплюев по моему совету путешествовал с минимальной охраной, чтобы не напоминать издалека команду поимки беглых, то они и не разбегались, чтобы где-нибудь схорониться до поры до времени, и он нашел действительно много вполне добротных деревень. Оставались калмыки, но, я думаю, что с ними он тоже как-нибудь сумеет договориться. Работа там еще только началась, будем по ходу смотреть и корректировать. А, учитывая, что эти земли вообще очень мало чего приносили до сих пор, выгода была очевидна.

– Что слышно от Фридриха? – нарушил я молчание, прерываемое стонами из-за двери, чтобы хоть немного разрушить охватившую меня панику.

– А что ты от этого солдафона хочешь услышать? – Ели-

завета поджала губы. – Он пока молчит, время тянет, но, по докладам, которые мне Бестужев приносит, начал укреплять Дрезден, даже какого-то очень умелого инженера нанял. Француза, как бишь его? – она щелкнула пальцами, совершенно по-плебейски, вспоминая имя.

– Жан Батист Бакет де Грибоваль? – я попытался ей помочь вспомнить.

– Да, точно, де Грибоваль. Он, кажется приезжал к нам, чтобы передать послание этой коровы Марии Терезии. Которая, кстати, тоже мне не ответила насчет своей позиции в отношении этого мерзкого захватчика, покусившегося на чужие территории.

– Она и не ответит, пока он за нее саму не возьмется, – я пожал плечами. – Вот пойдет Фридрих остатки Силезии захватывать, то сразу зашевелится и про старые договора вспомнит.

– Я тогда ей все припомню, – кивнула Елизавета. – Похоже, придется драться. Ласси уже получил приказ готовить армию и выдвигаться в сторону Саксонии, когда этот… – она попыталась найти подходящие слова, но так и не нашла, поэтому просто махнула рукой, словно что-то разрубила в воздухе. – Августа скоро дожмем и Ласси выдвинется, наконец, к границам. Боюсь только, тебе тоже необходимо будет выехать, как придет время.

– Да я догадываюсь, – кивнув, я прислушался к тому, что происходит в спальне. Почему-то стало слишком тихо и это

напрягало. Но тут раздался уже не стон, а полноценный крик, и я с трудом заставил себя сидеть на месте, даже в сиденье вцепился обеими руками, чтобы удержать себя на месте.

– А вот были бы там, не подпрыгивал бы сейчас, – наставительно произнесла Елизавета, но по тому, как она промокнула вспотевший лоб кружевным платочком, было заметно, что она нервничает.

– Нет, и мы не будем возвращаться к этой теме, – мы снова замолчали, а потом я снова вернулся к нашему разговору. – Я думаю, что нужно послать кого-нибудь к Кристиану Людвигу Мекленбургскому.

– Зачем? – Елизавета удивленно приподняла бровь.

– Полагаю, что будет лучше, если я со своей армией переправлюсь по морю в Киль, а оттуда, пройдя через Мекленбург, войду на территорию Пруссии со стороны Берлина. Так как Фридрих в это время будет в Саксонии, то мы сумеем отвлечь его внимание на себя, не оставит же он такую угрозу своей столицы без внимания, – осторожно начал я прощупывать почву.

– Ему могут помочь союзники, – Елизавета нахмурилась.

– Вот только он умудрился рассориться со всеми, кроме англичан. А англичане не успеют подойти, им для этого нужно сначала договориться с Францией, а это сделать будет ой как непросто, и с Австрией. Нет, в итоге они, конечно, договорятся, но будет уже поздно. Не удивлюсь, что в этом случае Мария Терезия очень быстро переменит свое решение и

выдвинет нам навстречу союзные войска, чтобы как следует пощипать Фридриха с трех сторон и вернуть то, что тот у нее отнял.

– Чтобы подобный план сработал, нужно все проделывать в условиях секретности, – Елизавета наморщила лоб. Она не была сильна в тактике, и ей необходимо было с кем-то посоветоваться.

– Скажем так, я знаю, как обеспечить лояльность Кристиана Людвига. У него большие проблемы с братом по поводу одного вопроса, который ни к России, ни к предстоящим событиям не имеет никакого отношения. Если я сумею ему помочь эту проблему разрешить, то лояльность Мекленбурга будет нам обеспечена, – Елизавета задумалась, я ей не мешал, пускай все обдумает, обсудит со своими советниками и примет решение. Сейчас речь идет о действительно большой политике, и я туда самостоятельно лезть не рискну.

Про этого Кристиана и его братишку, который в который раз пытался вернуться на родину из изгнания и занять место, которое занял младший брат, пытаясь хоть немного исправить плачевное положение в стране и в семье. Сор из избы не выносили, и в мире было об этом известно мало, зато по каким-то своим каналам от этом узнала Луиза Ульрика, которая уже была Шведской королевой полгода как. Не удивлюсь, если когда-нибудь станет известно, что она просто устала ждать и приблизила время кончины короля. Писала она мне много и часто, словно у нее была к этому опреде-

ленная потребность. В очередном письме она и сообщила, что Карл Леопольд снова чудит и рушит своими чудачествами только-только настроенные и еще хрупкие и ненадежные дела Мекленбурга.

Так же она отчиталась о делах в Дании. Король уже совсем того, окончательно свихнулся на религии. Его супружница почти полностью выпотрошила казну и мой небольшой презент в пару тысяч гульденов пришелся как нельзя кстати, ну а наследничка весьма крепко взяла в оборот довольно энергичная особа, для которой не существовало запретов ни в чем, а также ее брат, прибывшие в Данию совсем недавно из Пруссии. Они так активно морально разлагали парня, что Луиза даже удивилась такой податливости и сухо заметила, что, скорее всего, там по большему счету нечего сильно разлагать. Так что дела в Дании шли по плану, и это не могло не радовать.

Очередной протяжный крик Марии заставил меня все-таки вскочить на ноги, и тут раздался крик ребенка.

Я замер на месте, тупо глядя на дверь и часто моргая. Рядом поднялась Елизавета. Она прижала руки к своей пышной груди и бормотала молитву, не сводя пристального взгляда с двери, которая буквально через секунду открылась и оттуда выпорхнула девушка, прижимающая к груди пищащий комочек, завернутый в одеяло.

– Ваше величество, – она присела перед Елизаветой и протянула сверток ей. – Это мальчик. Здоровый и красивый

мальчик.

– Благодарю тебя, Отец наш всемогущий, – тетка осторожно приняла ребенка и коснулась губами крошечного лобика. Затем резко повернулась с толпящимся у дверей придворным. – Вознесите хвалу Господу, у нас родился наследник Павел Пётрович. – Мне это сразу напомнило сцену из красивого мультика про то, как родился львенок. Подойдя к тетке, я настойчиво протянул к свертку руки. Насчет имени мы уже все обговорили. Пускай будет Пашка, не худшее имя, надо сказать.

– Ваше величество, обратите на меня внимание, – она перевела на меня слегка затуманенный взгляд. – Думаю Павлу Пётровичу самое время познакомиться с родителями. – Она чуть крепче сжала руки, но, встретив мой упрямы взгляд и обратив внимание на плотно сжатые губы, весьма неохотно протянула мне сверток, который я принял так осторожно, словно мои действия могли причинить ему боль.

– Держи крепче, не вздумай уронить, иначе я точно останусь без наследника и ни на минуту не пожалею об этом, – я улыбнулся и кивнул, осторожно прижимая к груди сына, все еще пытаясь понять, что вот этот маленький кряхтящий человечек – мой сын.

– Ну что, пошли, сынок, познакомимся с нашей мамочкой, – и я улыбаясь зашел в спальню, чтобы показать сына Машке, про которую похоже уже все, кроме меня забыли.

Глава 2

– После того, как ты бессовестно уехал в прошлый раз, даже не попрощавшись, Гюнтер, я даже подумывал не пускать тебя больше на порог моего дома, – Кристиан Ван Вен отсалютовал Криббе бокалом, наполненным вином.

– Не слишком ли рано? – Криббе кивнул на бокал, но Кристиан покачал головой и опрокинул вино себе в глотку.

– В самый раз, – он поставил бокал на стол и затянулся трубкой. – Не поведаешь, что такого случилось серьезного, что ты так поступил со старым другом?

– Когда к тебе приезжает нарочный с письмом от Великого князя, в котором тот уведомляет тебя о прощении и призывает немедленно отправляться в путь, обычно ты немедленно оправляешься в путь, даже не попрощавшись с хозяином дома. Ты в тот вечер сладко проводил время у какой-то вдовушки, так что нечего пенять мне в том, что я тебя не дождался. – Криббе вытянул длинные ноги и задумчиво посмотрел на потухший камин. Сейчас в середине лета надобность в том, чтобы отапливать дом исчезла, но комната без живого огня стала выглядеть не такой уютной, какой Гюнтер ее помнил.

– Так ты опять в фаворе? – решил уточнить Кристиан, поглядывая на стоящую на столе бутылку. В последнее время

дела шли не очень, все владельцы кораблей, что ушли почти два года назад ждали их возвращения, как манны небесной, но, когда они начали возвращаться, выяснилась одна неприятная подробность, которая вызывала множественные опасения прежде всего в Голландской Ост-Индийской компании, вызывая странную панику у руководства, которая в итоге начала передаваться судовладельцам и купцам. – Ты случайно не в курсе, кто владеет практически всеми акциями компании?

– А что случилось? – Криббе принял самый незаинтересованный вид из всех возможных.

– Вернулось пять кораблей, пять, Гюнтер! Невероятный результат. А шестой видели возле Глазго. Правда, команда всех кораблей состоит практически полностью из русских, кроме моей «Легенды океана». Цинга, чтоб ее.

– И как твоя команда уцелела? – Криббе продолжал смотреть в потухший камин.

– Капитан Джеймсон крепко подружился со своим старшим помощником, которого, согласно подписанному договору прислал твой патрон. Однажды он увидел, что русские ежедневно пьют отвары из сушеных ягод, бочки с которыми грузили в трюм, и обязательно едят кислую капусту, в которую кто-то наложил много кислых ягод. Когда капитан поинтересовался у своего старпома, зачем он так измывается над матросами и офицерами, а также над собой, то услышал, что Великий князь приказал Ушакову проследить, чтобы все

это было доставлено и употреблялось в пищу, иначе, тем, кто выживет и не сдохнет от цинги, лучше было бы от нее сдохнуть, потому что Ушаков ими займется лично. Кто такой Ушаков, и почему его так боятся даже офицеры, не говоря уже о простых матросах? – Кристиан даже вперед подался, чтобы не пропустить не слова.

– О, угроза действительно серьезная, – кивнул Криббе. – Андрей Ушаков – глава Тайной канцелярии. Да еще и слухи ходят, что он в каждую команду засунул до пяти своих людей, а кто они – это тайна, покрытая мраком, может быть, даже старпом один из них, но вот с получением подробной информации о том, кто именно саботировал приказ его высочества проблем не будет. И все знают, что Ушаков не занимается никем, кроме заговорщиков, теми, кто составляет и участвует в заговорах против императорской фамилии. А что делают с такими личностями, лучше не испытывать на себе никому.

– Да уж, это точно, – Ван Вен покачал головой и решительно потянулся за бутылкой.

– Так ведь ты должен радоваться, что твой корабль не пострадал, вернулся с товаром, а команда почти вся цела, – весьма рационально заметил Криббе.

– Я радуюсь, и буду радоваться еще больше, когда уже наконец смогу распаковать товары и начать их реализацию! – Кристиан злобно посмотрел на вино, словно это оно виновато во всех его бедах. – Проблема в том, тот, кто ску-

пил почти все акции, прислал письмо с нарочным в Голландскую Ост-Индийскую компанию и запретил трогать корабли, пока он лично не прибудет и не убедится в наличие груза его сохранности, и возможности получения прибыли со всех шести кораблей. Немедленно. А, учитывая, что в противном случае корабли он просто утопит вместе со всем добром, дает повод думать, что владелец – это твой патрон. Ведь топить корабли будут команды, так и не сошедшие на берег, из которых, повторюсь, большинство составляют русские. Но и это еще не все. – Он залпом выпил вино. – Все корабли останавливались в Капстаде на обратном пути, и там их уже ждали люди, которые должны были осмотреть и начать обустраиваться на землях, которые уже сейчас принадлежат этому мальчишке. – Он не стал уточнять, какому именно мальчишке, что принадлежит, это итак было понятно. – Они доставили на борта небольшой груз, который кто-то, полагаю, что агенты этого вашего Ушакова внес в перечень товаров, приготовленных для реализации.

– Ну и что? – пожал плечами Криббе. – Ведь, чем больше редких товаров, тем лучше, или я чего-то не понимаю? – он нахмурился.

– В целом, ты, конечно, прав, вот только, – Кристиан сунул руку в карман и бросил на стол небольшой необработанный тусклый камень. – Капитану Джейсону удалось утащить один и передать его мне, до того момента, пока бывший таким хорошим другом старпом не запер его в каюте, угрожая

оружием. Да и это бы все ничего, это просто невероятные деньги, учитывая, что таких вот необработанных алмазов на кораблях сотни, вот только, когда Великий князь приедет и потребует рассчитаться, у компании не будет на это наличных средств, потому что, повторяю, они не могут продать все то, что находится на кораблях.

– И? Отдадут ему товар, да и все дела, – пожал плечами Криббе.

– То есть, компания должна отдать мой корабль с моим товаром, чтобы покрыть свой долг? – Кристиан насмешливо посмотрел на друга. – Нет, друг мой, не получится, потому что я в этом случае сам его скорее на дно пущу. Среди прибывших кораблей и того, который еще в пути, нет ни одного корабля Голландской Ост-Индийской компании, вот в чем дело. Тот, кто придумывал эту схему – чертов гений. Им придется отдать все, все свои оставшиеся корабли, все свои земли по всему миру, все свои города, включая злосчастный Капстад и Новый Амстердам в Новом Свете. А также свой роскошный дом здесь в Амстердаме и камзолы с париками. И будут радоваться, что останутся в штанах. Сейчас они мечутся как курицы с отрубленными головами и просят помочь республику, но, шутка в том, что такие деньги конечно же есть, но они все вложены в дела, а Пётр дал понять, что ждать не собирается. Кроме того, русский посол умудрился купить бухгалтера компании, который выложил ему все бумаги по каждой сделке, в которых перечислены приобретения ком-

пании в денежном эквиваленте, а тебе сказать, сколько Генри Гудзону стоила та земля в Новом Свете? А ведь при перерасчете будут учитывать именно эту сумму! – Кристиан схватил со стола бутылку и швырнул ее в камин. – Я пью, мой друг, потому что не знаю, что мне делать дальше. Если не будет компании, кто нас защитит от англичан? И да, я просто уверен, что твой ушлый воспитанник отдаст нам корабли, а потом потребует свою долю. Лично я сам так и сделал бы. Он уже вложил в акции, в оснащение этих экспедиций и даже в эти проклятые алмазы, которые я сам и еще с десяток таких же идиотов сами отдали ему в руки, еще и посмеивались над венценосным дурачком, который решил проиграть в дельца и в итоге заключил столько невыгодных сделок. И вообще, если смотреть с этой точки зрения, то он даже в сами корабли вложился своими дегтем и пенькой, да еще и денег с нас взял. – Ван Вен повернулся к Криббе. – Я только одного не могу никак понять, зачем? Зачем наследнику Российского престола нужно было разорять голландскую компанию?

– Думаю, что вопрос о разорении не стоит. Его высочество хочет взять Голландскую Ост-Индийскую компанию под свой контроль, а это совершенно другой расклад. А вот зачем? Я не знаю, он передо мной не отчитывается в мотивах своих поступков. – Криббе задумался. Он знал ответ на вопрос «зачем». Земли и фактории принадлежащие Ост-Индийской компании, а также уже проторенные маршруты и известные контакты. Пётр просто то, что обычно те же англича-

не получали военным путем, заполучил вот так. Да, потратив колоссальную сумму, такую, что последнее серебро с камзолов спорол, но все равно сэкономил, ведь, случись ему воевать, затраты были бы гораздо больше, и в будущем, да уже в настоящем станет получать колоссальные прибыли. Плюс обзавелся людьми, которые смогут сейчас вести корабли по тем самым маршрутам. Как-то он усмехаясь назвал этот план при Гюнтере рейдерским захватом. Термин был Криббе не знаком, скорее всего, Пётр сам его придумал. А уж защитить и преумножить уже находящиеся в собственности владения Российская империя сумеет, Гюнтер в этом нисколько не сомневался. Англичанам точно придется потесниться в морях. Интересно, а сумеет ли Пётр провернуть нечто подобное еще раз? Или все быстро научатся и не допустят этого?

– А ты зачем приехал? Наблюдать, чтобы мы не наломали дров? – Кристиан вытер вспотевший лоб платком.

– Нет, успокойся, – Криббе покачал головой. – Для этого у его высочества найдутся другие люди. Но приехал я по поручению его высочества, это так. Ему нужны его корабли, которые вы должны были построить по договору. И нужны они ему немедленно. Все сроки уже вышли Кристиан, – он пристально посмотрел на друга, который заерзал на своем стуле. Его высочество приедет к тому моменту, как придет шестой корабль и к этому моменту корабли должны стоять в гавани, готовые к приемке под парусами. Как я понял, та часть команд, которые пока что сидят на ваших кораблях, перейдет

на корабли Пётра Фёдорович а. Оставшиеся части команд приедут с ним. Пока что Пётр Фёдорович требует пятнадцать кораблей. Остальные он милостиво решил подождать. Пока он будет разбираться с Ост-Индийской компанией команды осмотрят корабли и проведут пробный ход, чтобы убедиться в том, что все в порядке, ведь отсюда Великий князь по морю отправится в Киль, а они никогда не станут рисковать его жизнью. И вот за тем, чтобы все было готово, я и должен проследить. Так что, мой тебе совет, если у тебя нет в наличие готовых кораблей, лучше купи. Сам понимаешь, сделка есть сделка, а для вас протестантов за соблюдением сделок наблюдает сам Господь.

***

Кормилица принесла Павла, и передала в руки Марии, сидящей на диване, в то время, как я расположился за столом, читая письмо от Луизы Шведской, в который раз удивляясь, откуда она все знает, и как широко развита ее сеть шпионов.

– Что пишет прекрасная Луиза? – спросила Машка, поглядывая на меня с явным неудовольствием.

– В данный момент она находится совершенно обнаженная на шелковых простынях и ласкает себя, думая при этом обо мне, – я отложил листок в сторону и посмотрел на вспыхнувшую Машку. – Не ревнуй, тебе не идет. У нас с Луизой чисто деловые отношения, и к малым шалостям, о которых я только что поведал эта переписка не имеет никакого отношения. И, нет, Маша, я не скажу тебе, о чем она пишет.

Сведения, которые знают двое уже не слишком надежны, а учитывая, что содержимое этих писем известно Ушакову и ее величеству, итак собирается толпа, а вокруг тебя и Пашки сейчас слишком много разного сброда крутится. Ну, не обижайся, – я встал из-за стола и присел перед ней на корточки. – Вы для меня самое дорогое, что у меня есть. И я знаю, что ты хочешь помочь, но, Маш, есть вещи, в которых ты помочь мне ничем не сможешь. Это не упрек, просто так оно и есть на самом деле.

– Могу я хотя бы узнать, куда ты отослал Пётра Румянцева? – я протянул руки и она передала мне сына. Поднявшись, с ворохом одел в руках, в которых ворочался и пытался размахивать руками.

– Путешествовать, а то он совсем от рук отбился, пускай европейских барышень соблазняет, а нашим мужчинам нечего развесистые рога наставлять, – я подошел к окну. – Тебе не кажется, что Павел слишком укутан? Сейчас лето, и я настаиваю на том, чтобы ребенок больше времени проводил на воздухе. Или с этим какие-то проблемы?

– Нет, но… – Мария встала и подошла к нам. – Так не принято.

– Ты же знаешь, что, если кто-то хочет меня разозлить, то ему только стоит упомянуть про то, что «так не принято», «и все время делали вот так и ничего», – я говорил мягко, но Машка вздрогнула и даже слегка отпрянула от меня. – Поэтому, если еще раз эти непонятные эти что-то подобное

начнут говорить, пускай лучше потом не обижаются. Идемте в сад, день чудесный, а Павлу нужен воздух и солнце, работать же я смогу и на улице. – Забрав со стола письмо, я сунул его в карман, и пошел к двери, открывая ее ногой. – Эй, там, соберите князю пеленки, и что там еще нужно, и за нами в сад.

Я стремительно вышел на улицу, все еще неся в руках сына. Им дай волю, они ребенка угробят. Всех мамок-нянек, которых мне пыталась навязать Елизавета, я послал лесом. Голландские девицы, которые чем-то Машке приглянулись, пошли за ними следом. Кормилицу я выбрал сам, и в этом качестве мне приглянулась внучка нашего смотрителя картинной галереи. Анюта недавно родила здоровенькую девочку, отличалась отменной чистоплотностью, матом не разговаривала, и молока у нее вполне хватало для двоих. Знатные дамы детей сами не вскармливали, но, если учитывать то, что они ели, так, наверное, даже лучше. Я же оговорил с Анютой условия при которых она будет сохранять эту почетную должность, а кормилица будущего наследника престола – это очень почетная должность, среди этих условий была специальная диета, включающая фрукты и овощи, и всего остального в меру. И да, Пост был для нее теперь под запретом, а на робкое возражение я ответил, что Господь простит, ведь она не ради себя так грешила, а ради двух ангелочков, детей то бишь.

Также Флемм прислал мне одного из своих учеников, а он

взял учеников, просто потому что захотелось. Это был весьма умелый молодой человек. Звезд с неба не хватал, но за ребенком ухаживал вполне успешно. Ну и пару нянек все же пришлось взять, но они прошли серьезный прессинг у меня, прежде, чем я допустил их к ребенку.

У всего этого было два отрицательных момента: мы начали часто ссориться как с Елизаветой, так и с Машкой. И, если честно, я уже сам ждал, когда же уеду, потому что жене точно надо немного от меня отдохнуть. Но уезжать я просто так не собирался, а поручил наблюдать за соблюдением моих нехитрых и несложных правил Ушакова, который одним своим появлением мог направить мозги в нужную сторону.

Андрей Иванович был занят, он тщательно изучал всех послов и их свиту, чаще всего делая это в своем клубе, в котором уже собрана самая потрясающая коллекция произведений искусства. Тем более, что Ушаков любил сам устраивать вечера, чаще всего тематические. Да и вдобавок ко всему он вернулся к брошенной на какое-то время ложе нашего отечественного аналога масонства. Проверил всех магистров, провел идеологию. Оказывается, пока нас не было, наша ложа расцвела бурным цветом. Даже Панин, который сначала как шпион от масонов к нам проник, мы знали, что он именно в таком качестве приперся, но не мешали человеку трудится, внезапно проникся, признался во всем Ушакову и был допущен в качестве кандидата, которому еще предстояло доказать свою лояльность. Я пока слегка от всего этого

отстранился, мне было некогда, но я знал, что все находится в надежных руках, и не волновался. Тем более, что все больше и больше молодых и не очень молодых людей я видел на балах с одинаковыми перстнями на пальцах. В этом направлении все идет по плану. Правильно, не можешь противостоять бардаку, возглавь его.

Когда мы вернулись, то оказалось, что мой мужской журнал внезапно стал дико популярным. Полуголые девицы заставляли мужичков покупать их украдкой от жен, и с упоением читать, прикрывая амбарными книгами в кабинетах. Они уже начали расползаться по России. До Урала пока не дошли, но это было дело времени. Руководство журналом я поручил отцу Петькиному, который увидел у меня макет и проникся, так сказать. Александр Румянцев, вот же седина в бороду, сумел сделать его еще более интересным и откровенным. Я-то осторожничал, потому что не знал, где нужно будет остановиться, чтобы воспитание и мораль не вошли в конфликт с пикантностью и любовью к клубничке. А вот Румянцев-старший в силу возраста эти границы знал и ни разу через них не переступил. Сейчас же в журнале между статей «Как ухаживать за усами, чтобы пользоваться успехом у дам» начали появляться нужные нам статьи. Их было немного, они были ненавязчивы, но откладывались в головах, и настраивали мысли на нужный лад. Да и в добавок ко всему, это оказалось весьма выгодно.

Петьку же Румянцева я отправил в Мекленбург, налажи-

вать дипломатические отношения. Он был со мной в Киле и успел изучить местных, чьи стремления и убеждения мало отличались от жителей Мекленбурга и их герцога.

Устроившись в живописной и достаточно большой беседке, способной вместить весь наш табор, я снова погрузился в письмо.

Так, надо бы премию Флемму выписать. Он каким-то образом умудрился уговорить дочерей императора Священной Римской империи привиться от оспы. Поговаривали, что с Терезой Бенедиктой Давид часто разговаривал об искусстве и даже позировал ей для картины. Картины я не видел, поэтому мог руководствоваться только слухами, и письмами Луизы, которая знала все и обо всех. Так вот, каким-то образом он умудрился уговорить девушек на прививку. Их отец, когда об этом узнал, сильно гневался, рассказали-то ему не вернувшиеся из загула девчонки, а доброхоты, которых везде хватало. Но, этой весной Тереза Бенедикта заболела. Что характерно – оспой. И тут бы с гарантией восемьдесят процентов девица откинула бы тапки, но нет, выкарабкалась и даже прелестная мордашка не была испорчена страшной болезнью.

Карл Альбрехт почесал тыкву, сложил два и два, получил, как ни странно, четыре и сделал неприличное предложение Елизавете о том, что страстно хочет припасть к ее мудрости, позволившей начать такое богоугодное дело. Елизавета не сплоховала, и одолжила ему одного из лекарей, заня-

тых в вакцинации, которая медленно, но верно шла по России. Очень много статей уже было написано, очень много слухов распространено, но лучшей рекламой оставалась та злосчастная тюрьма, в которой Флемм ставил свои эксперименты.

Зато сейчас, спасение любимой дочурке, и, значит, возможность ее использовать на брачном рынке, обеспечила нам лояльность Священной Римской империи. Карл не придет, и все такое. Нет, откровенно он Фридриха не пошлет, но можно ведь так затянуть процесс, что уже страны не будет, когда какие-то решения на свет народятся. Это была хорошая новость для меня и не очень для Фридриха. А у Луизы точно зуб на брата, наверное, все-таки поругались насмерть. Так ругаться, чтобы вообще в клочья могут лишь близкие родственники. Может быть, он хотел заставить ее оставить Данию в покое, я не знаю, она мне в этом никогда не признается.

Также весьма интересной для меня новостью стало известие о том, что София Фредерика родила от Понятовского мальчика. Родила она его на полгода раньше, чем родился Пашка. Новость безусловно интересная, но не совсем понятно, почему она заинтересовала Луизу, которая и Софию, и ее мать на дух не переносила.

Когда я закончил чтение, раздался топот копыт и невдалеке от беседки спешился офицер в форме польского кавалериста. Он подбежал к стоящему у входных дверей гвардей-

цу и что-то быстро заговорил. Машка напряженно смотрела на него, да и я почувствовал какое-то беспокойство. Что-то определенно случилось,

Гвардеец взмахом руки подозвал к себе гуляющего неподалеку Федотова. Он вполне мог себе это позволить, чтобы не покидать пост, и это было оговорено со стоящими в карауле отдельно. Федотов подошел к уже порядком раздраженному поляку. Ничего, потерпит. А-то привык, похоже, что все по его первому требованию выполняется. Он начал что-то доказывать Федотову, размахивая при этом письмом. Мой адъютант требовательно протянул руку и, похоже, велел заткнуться. Вскрыв письмо, он осмотрел его на предмет посторонних предметов, понюхал, потер в пальцах бумагу, чуть ли не лизнул, и только после этого кивнул поляку, чтобы тот следовал за ним.

Удивлению посланника не было предела, когда, вместо того, чтобы провести его во дворец, Федотов направился в сторону нашей беседки. Я встал, и словно ненароком заслонил собой и Машку, и держащую в это время заворочавшегося Павла няньку.

– Станислав Сикорский, ваше высочество, – он неплохо говорил по-русски, и поклон его был выше всяких похвал. У меня срочные новости из Варшавы для ее высочества.

– Говорите, пан Сикорский, – я тем временем протянул руку, куда Федотов тут же вложил письмо.

– Ваше высочество, я со скорбью вынужден вам сообщить

о гибели вашего отца, его величества короля Августа.

– Что? – Машка побледнела. Не то, чтобы с отцом у нее были слишком теплые отношения, но такая новость кого угодно выбьет из колеи. – Как это произошло? Когда?

– Четыре недели назад, ваше высочество, его величество упал с коня на охоте и свернул шею, несчастный случай, – и он сочувственно вздохнул.

Я же начал быстро читать письмо. Так, охота, падение с лошади, королем выбран, согласно ранним договоренностям, Понятовский. София, значит, у нас сейчас королева Польши. А так ли случайно было это падение и не откинется ли пан Паниковский в скором времени от геморроя или чирия на заднице?

Луиза прекрасно знает Софию, все-таки они были подданными Прусских королей. И теперь становится понятно, зачем она писала мне о рождении маленького Понятовского. Только вот теперь мне интересно, это предупреждение, или просто информация к размышлению? А еще это значит, что путь к Саксонии открыт. Понятовский слова против не скажет. К тому же у него скоро будут другие заботы, как бы выжить под лавиной заботы любящей супруги.

Глава 3

– Ну что, где они? – на пристань быстрым шагом, почти бегом взбежал молодой еще человек, на ходу придерживающий шляпу. Криббе поднял немного затуманенный взгляд от бумаги, которую в это время изучал, посмотрел на молодого человека, затем его взгляд переместился на шедших за ним трех мужчин, которые не торопились, стараясь выглядеть степенными. Особенности походки все равно выдавали в них моряков, и Гюнтер вздохнул с облегчением.

– Ну, наконец-то, – молодого, подбежавшего к нему первым, он не знал, поэтому обратился к мужчине, лет пятидесяти на вид, шедшему в середине степенной троицы. – Федор Иванович, я очень рад вас видеть. Я совершенно не разбираюсь в кораблях, и не могу понять, мне стоящие посудины дают, которые действительно способны пересечь океаны и вернуться в порт невредимыми, или это просто корыта, которые даже из гавани не смогут выйти, затонув невдалеке от пирса. – Стоявший рядом с ним медведеподобный мордоворот, одетый в роскошные одежды, гораздо богаче, чем следовавший привычкам своего воспитанника Криббе, кашлянул, привлекая внимание Гюнтера, и спросил его по-немецки.

– Я рад слышать, что ты прекрасно говоришь по-русски, друг мой, но почему мне кажется, что ты сейчас как-то уни-

чижительно отзывался об этих прекрасных кораблях, – Ван Вен, а это был именно он, прищурился, гладя на подходивших к ним людей. – И означает ли это, что мы сможем, наконец-то начать разгрузку? Ведь ты говорил, что твой кронпринц привезет с собой моряков.

– Кристиан, ну откуда я знаю? Я все время провел здесь, при этом ты, по какой-то причине все время проводил рядом со мной, даже, когда возникли эти неприятности с тремя должниками, – Криббе скатал бумагу в трубочку и шагнул навстречу Соймонову, к которому только что обращался.

– О, я отлично знаю, как ты можешь выбивать долги, даже в том случае, если с тобой нет десятка гвардейцев, – пробормотал Кристиан и шагнул следом за приятелем. – Мне просто было любопытно, утратил ты навык, или все-таки нет. Оказалось, что нет, и это радует, знаешь ли.

– Я уже отсюда вижу, Гюнтер Яковлевич, что вон те три корабля не слишком хорошо выглядят. Осадка низкая, мачты потрепаны, да и вообще весь вид не слишком презентабельный, – Соймонов указал тростью, на которую опирался при ходьбе, на три корабля, стоявшие отдельно от десятка линейных двухпалубников, оснащенных на вскидку от пятидесяти шести до шестидесяти пушками.

– Это компенсация за невыполнение контракта, – жестко усмехнулся Криббе.

Ему самому было странно, но он все время ждал, когда его попросят остановиться из правительства, но, ничего по-

добного не произошло, потому что он действовал в рамках подписанного договора. Если он раньше знал лишь в теории о том, что заключенные договоры, соблюдения условий этих договоров и получаемая прибыль для протестантов были возведены в культ, то сейчас у него был отличный шанс в этом убедиться.

А еще он понял, что Пётру никто не помешает курочить Голландскую Ост-Индийскую как ему вздумается. Потому что он имел на это право, и право это ему давал контрольный пакет акций, сделавший его фактически единственным акционером, перед которым должны отчитываться все остальные.

Даже владельцы пришедших кораблей умудрились продать ему и другим подставным лицам все свои акции, а за глупость, надо платить. Три корабля, отличавшиеся о остальных были из пришедших шести, которые владельцы отдали вместе с товаром в счет погашения обязательств по договору, но их тоже пока не разгружали, чтобы не создавать напряженности, отогнав к отдельному пирсу, принадлежащему компании и в тот момент пустовавшему.

– Ловко, – одобрительно кивнул Ларионов, еще один из подошедших к Криббе мужчин. – Елманов! Прояви уже терпение. Мы все равно на каждый корабль взойдем, что ты бегаешь, как таракан по кухне? – Все это время Ван Вен напряженно вслушивался в русскую речь, но в конце концов плюнул, и повернулся к Криббе.

– Гюнтер, ты меня представишь уже этим замечательным господам, которые наверняка знают, приехал ли в Амстердам его высочество и когда нам можно будет разгружаться, – процедил он, прожигая взглядом приятеля.

– Если ты настаиваешь, – Криббе вздохнул. Он как мог старался отделаться от Кристиана, но получалось плохо. Тем более, что он не мог разрушить старую дружбу, к тому же Пётра планировалось поселить именно в доме Ван Вена во время его визита, и портить отношения с хозяином не слишком-то и хотелось. Да и кроме того он был единственным, кто в полной мере выполнил все договоренности с Великим князем, а это тоже много значило. – Господа, позвольте вам представить Кристиана Ван Вена, купца, одного из тех, кто предоставил его высочеству эти прекрасные корабли, на один из которых ваш спутник, кажется, хочет вплавь добраться, – Гюнтер даже шею вытянул, чтобы посмотреть на то, что делает в этот момент молодой человек.

– Елманов, твою мать! Ну-ка быстро сюда, рысью! – рявкнул Ларионов, и молодой человек тут же подскочил к нему, преданно заглядывая в глаза. Покачав головой, Ларионов повернулся к Ван Вену и сказал на безупречном немецком. – Простите нашего мичмана, господин Ван Вен. Его высочество в странном порыве пообещал ему командование кораблем, если Андрей Власьевич отличится в этой кампании. – Кристиан что-то промычал нечленораздельное, а Криббе продолжил представление, от которого его отвлек бедовый

мичман.

– Контр-адмирал Ларионов Василий Иванович, капитан Мордвинов Семен Иванович, адмирал Соймонов Федор Иванович, – Кристиан наклонял голову каждый раз, когда Криббе произносил очередное имя. Гюнтер, скорее всего, сознательно опускал титулы моряков, но любому кретину было понятно, что стать адмиралом, не имея титула хотя бы графа, весьма проблематично. Нужно действительно обладать невероятными талантами, чтобы даже из мелкопоместного дворянства подняться до адмирала. – Ну что, пройдем на первый корабль? Не думаю, что мы сумеем осмотреть все за один день.

– Минуточку, – остановил Криббе Кристиан. – Мне не ответили на вопрос: его высочество приехал? Мне нужно его разместить, чтобы все было идеально, а также понять, когда я смогу заняться разгрузкой корабля.

– Нет, – покачал головой Соймонов. – Его высочество еще в пути. Нас послали вперед за тем, чтобы осмотреть корабли, распределить на них частично тех людей, которые все еще заперты на пришедших из дальнего плаванья кораблей, и уже установить порядок схода на берег. Парни сколько уже недель на твердой почве не стояли, да шлюх не тискали? Нельзя так над людьми издеваться. – Он покачал головой, а Кристиан с удивлением посмотрел на этого странного адмирала. Ну да не ему судить, пускай как хочет, так и командует своими людьми. – Ну и надо получить разрешение у властей

на то, что через город к кораблям пройдет довольно большое количество людей. – На это Кристиан все-таки не удержался и хмыкнул, но не стал говорить уважаемому адмиралу, что для фактического владельца Голландской Ост-Индийской компании спрашивать о чем-то разрешения в Амстердаме нужно только в том случае, если он хочет проявить видимость вежливости.

Здесь действовали другие правила, и он точно знал, что сюда в срочном порядке мчатся командиры военных подразделений компании и все владельцы кораблей, участвующие в экспедициях компании. Из купцов не был приглашен даже он, потому что они по дурости перестали быть акционерами, и все равно не имели никакого права голоса. А он все бы отдал, как Пётр будет вырывать из глоток этих пираний свою фактическую собственность. Внезапно до него дошло.

– Простите, а как много людей должно пройти на корабли? – тихо спросил он у Соймонова, с которым так получилось, что шел бок обок, направляясь к «Гордости океана», этот корабль ему пришлось тоже отдать, потому что он, видит Бог, забыл про этот пункт договора с российским наследником престола.

– Моряки, чтобы укомплектовать команды кораблей, – начал перечислять Соймонов, – свита его высочества, и три полка с артиллерийскими расчетами. Предварительная договоренность уже достигнута, но необходимо ее подтвердить, потому что его высочество не хочет терять время, а сразу же

из порта Амстердама отправиться в путь.

– А куда, если не секрет?

– А вот то, что это секрет, вы правы. Я вам количество-то озвучил, чтобы вы помогли мне провести все необходимые замеры и доставить на корабли все необходимое, для размещения всех людей, – Соймонов подошел к сходням, задумчиво разглядывая великолепный корабль. – Если он также хорош, как выглядит, то, скорее всего, это будущий флагман. – Ну что же, господа, приступим, помолясь. Василий Иванович, не в службу, а в дружбу, навести пока команды, и пускай они распределяют вахты и начинают перебираться на те корабли, кои мы осмотрим и сочтем пригодными, – к Ларионову адмирал обращался по-русски, что заставило Кристиана просто зубами заскрипеть, но он благоразумно промолчал, напряженно пытаясь понять, с кем собирается воевать Великий князь. Куда он решил направиться с целой армией из их благословенного города?

А еще, он не мог не усмехаться злорадно: три полка и полноценные команды для десятка линейных кораблей – у зарвавшихся управляющих Голландской Ост-Индийской компании и владельцев нет ни малейшего шанса. Еще бы знать, что Россия пообещала республиканскому правительству, за подорожные такой прорве людей. Он бы даже не был удивлен, что договоренности были достигнуты практически мгновенно, когда русский посол пришел в ратушу и перед всеми власть имущими поставил на стол один из сундучков,

доверху набитый необработанными алмазами, которые ему передали с одного из кораблей, которые уже принадлежали Пётру. Да он бы сам за такой куш, что угодно подписал бы.

Фёдор Иванович Соймонов же все то время, пока поднимался на палубу, да спускался в артиллерийский отсек, с которого решили начать инспекцию, вспоминал о том, что привело его сюда в Амстердам. Но вспоминал он не просто так, а в разрезе того, что же в итоге ждет российский флот и как не сглазить робкие мечты на возрождение детища Пётра Великого.

***

Он уже три года жил в Волосово, с тех самых пор, как милостью Елизаветы Пётровны его оправдали и вернули с каторги в Охотске. Помиловать-то помиловали, но вот чинов и званий так и не вернули.

Все-таки хорошо он копнул в свое время, так разворошил это осиное гнездо в Адмиралтействе, да в морском хозяйстве, что даже самого Бирона сумел обвинить в растратах.

А растраты там были, мама дорогая. Да ежели бы половина тех денег уходила на нужды именно флота, они бы уже начали англичан потихоньку теснить, да земли новые открывать, да осваивать.

Слишком многим он тогда на хвост наступил, слишком. До самых истоков сумел все вызнать. Вот только, его, как оказалось, не просили этим заниматься, его поставили на должность, чтобы он сумел из тех крох, что оставались от

выделенных денег, хоть какую-то видимость проводимых на флоте работ показывать.

Соймонов не захотел в этом участвовать, он требовал справедливости, и его, весьма справедливо лишили сначала офицерского кортика, а потом и дворянской шпаги, ну а после и вовсе в Сибирь сослали, после публичной экзекуции.

Когда пришло известие о помиловании, он думал, что вернутся к любимому делу, вернутся в море, но, ничего подобного не произошло.

– Отец, тут к тебе из Петербурга, – в кабинет, где он читал книгу, заглянул сын Михаил, которого отпустили на каникулы из Московской артиллерийской школы, в которой учился не по настоянию отца, а по личному убеждению.

– Так пускай проходит, – Фёдор Иванович отложил книгу и посмотрел на входящего в кабинет молодого человека, которого не знал, и в то время, пока бывал при дворе, не видел.

– Здравствуйте, Фёдор Иванович, меня зовут Андрей Ломов, и я ваш большой поклонник, – молодой человек сложил руки на груди. – А также его высочество Пётр Фёдорович так проникся вашей историей, что сумел убедить ее величество дать ему самому решить вашу судьбу. Но вам нужно будет немедленно поехать со мной в Петербург.

Фёдор Иванович удивился. С Великим князем он знаком не был, но слышал, что тот иной раз отличается эксцентричностью. А еще поговаривали, что он является одним из магистров какой-то тайной ложи, а также то, что его Михаил

буквально бредит этой ложей, вот только у него самого нет никаких способов, проверить, что это за ложа такая, и не грозит ли Мише, что-то страшное.

Зато у него появился способ познакомиться с Пётром Фёдоровичем, а это в свою очередь может ему многое рассказать, и, в случае чего, уберечь сына от ошибки. В общем, в тот же день Соймонов выехал в Петербург в компании этого странного Ломова.

Первое удивление наступило, когда они поехали не в сам Петербург, а в резиденцию Великого князя в Ораниенбаум. Это могло говорить только о том, что Елизавета действительно позволила племяннику решать его судьбу.

Не дав ему прийти в себя, Ломов сразу же повел его в кабинет его высочества.

Следующее удивление постигло Соймонова в тот момент, когда он вошел в кабинет, и увидел, что сам Великий князь стоит у окна, держа на руках ребенка и что-то тому нашептывает. Он слышал, что у великокняжеской четы родился наследник, но никак не ожидал увидеть этого наследника вот так на руках у отца.

– Ваше высочество, Фёдор Иванович Соймонов прибыл, – от дверей сообщил Ломов.

– Хорошо, – его высочество обернулся, и тут Соймонов увидел, что короткие очень светлые волосы, это его собственные волосы, не парик, – проходите, Фёдор Иванович, присаживайтесь, а я пока Павла Пётровича в надежные ру-

ки передам, ему пока рановато при таких разговорах присутствовать. – И он протянул ребенка молодой женщине, сидящей на низкой софе. – Андрей, помоги её высочеству, – он кивнул Ломову и направился к столу, из-за которого вскочил Соймонов, как только понял, что молодая женщина – Великая княгиня Мария Алексеевна. Ломов, который пользовался очень большим доверием Пётра Фёдоровича, потому что забрал ребенка и бережно прижал его к груди, пока княгиня собственноручно собирала корзину со всеми теми вещами, которые необходимы младенцу. Когда дверь за ними закрылась, Соймонов снова устроился за столом, напротив Великого князя. – У Марии Алексеевны траур, недавно погиб ее отец. – Сказал он, и Соймонов кивнул, он никак не мог понять, почему она одета в темные одежды. А Пётр тем временем продолжил. – Вы наверняка удивлены, застав такую картину? Но тут все просто, я скоро уезжаю, и довольно долго не увижу сына. Прекрасно понимаю, что перед смертью не надышишься, но стараюсь все же как можно больше времени проводить с семьей, пока есть такая возможность.

– Я понимаю, ваше высочество, – согласно наклонил голову Соймонов. Он все еще не понимал, зачем его выдернули из поместья, и терялся в догадках.

– Давайте перейдем к делу, а то, зная Ломова, могу предположить, что он вам не дал даже до отхожего места сходить, когда вы приехали, – Пётр слегка наклонил голову набок, из-за чего появилось ощущение, что он смотрит исподлобья. –

У меня скоро появится флот. Я рассчитываю не менее, чем на десять вымпелов, а при хорошем раскладе и чуть больше. А так как скоро у нас намечается небольшая война, то мне необходим адмирал. Я хорошо изучил вашу биографию… – он на секунду замолчал, а потом добавил. – Кого вы еще нашли среди казнокрадов? Кого-то из Шуваловых?

– Бутурлина, – вздохнул Соймонов. Они прекрасно поняли оба, что имел ввиду Пётр, задавая этот вопрос. И ответ на него как раз являлся ответом на вопрос о том, почему его никак не вернут на службу.

– Понятно, – Пётр кивнул. – Так что, вы готовы вернуться в море? – Соймонов осторожно кивнул, боясь спугнуть удачу. – Отлично. Тогда, давайте обговорим детали.

***

Как и ожидалось, Понятовский сразу же дал разрешение на прохождение через территорию Польши армии Ласси. Как только приехал гонец с этим разрешением, все сразу завертелось. При этом ждать, что поляки сохранят решение этого вопроса в тайне, не приходилось. Фридрих узнал об этой новости едва ли не первым, и рванул в Дрезден так, что только копыта засверкали. Я успел достаточно его изучить, чтобы понять – он будет все это время с армией, в то время как столица Пруссии осталась практически беззащитной. Теперь все решало время. Исход только что начавшегося очередного дележа Европы зависел теперь от того, как быстро я сумею оказаться возле Берлина.

– Тебе обязательно ехать? – я обернулся к Марии.

Она стояла в дверях моего кабинета, а это дурацкого темное платье делало ее личико еще бледнее. Я же ждал, когда подведут ко входу оседланного коня. Погода была отличная, лето хоть и подходило к концу, но осень еще даже не ощущалась, и поэтому было принято решение карет вообще с собой не брать.

Чем быстрее мы доскачем до Амстердама, тем лучше. Полки, морячки и комиссия по приемке кораблей выдвинулись уже давно, я же немного задержался, во-первых, нужно было доделать дела и отдать последние распоряжения, во-вторых, дать возможность полкам уйти достаточно далеко, чтобы не подпрыгивать и не раздражаться из-за низкой скорости.

– Мы это уже обсуждали, – я подошел к ней, обхватил голову руками и поцеловал в лоб. – На тебе контроль внедрения начального образования и попытки реализовать образование девочек, так что ты даже соскучиться не успеешь, как я вернусь.

– Почему я не могу поехать с тобой? – она сложила руки на груди.

– Мари, я еду не на увеселительную прогулку, – я нахмурился, а она вздохнула.

– Я знаю, война не женское дело, просто мы впервые расстаемся на неизвестное время, и мне не по себе. К тому же, нам с Павлом придется переехать в Петербург?

– Ее величество будет на этом настаивать, – уклончиво подтвердил я ее опасения. – Она будет очень сильно настаивать. Я могу ей противостоять, ты – мы оба этого не знаем. Еще ни разу не было ситуации, когда ты осталась бы с ней один на один. Давай так, если почувствуешь, что вот вообще никак, лучше остановись и изобрази смирение. Ее величество в состоянии доставить тебе очень много неприятностей, если задастся такой целью. Так что просто переезжай и все тут. Главное, чтобы ты была с Павлом, иначе мне потом будет сложно забрать его у нее, если Елизавета Пётровна почувствует слабину.

– Ваше высочество, письмо от Пётра Румянцева, только что привез нарочный, – в кабинет заглянул Олсуфьев, и я буквально вырвал у него из рук послание, которое я ждал едва ли не больше, чем разрешения от Понятовского.

Мария поняла, что на этом наше прощание завершено, поцеловала меня в щеку и вышла из кабинета, оставив меня наедине с письмом. Олсуфьев остался в коридоре.

В письме Петька писал, что герцог прекрасный человек, но его никто не понимает, а он нуждается хотя бы в том, кто его выслушает, не являясь при этом священником.

Они неплохо поладили, особенно их взгляды совпали на шампанское, и прекрасных женщин. К тому же Петька разделил негодование герцога поступками брата, который сам профукал герцогскую корону, сам сбежал, оставив страну в разоренном состоянии, а сейчас, когда только-только все на-

чинает налаживаться, он раз за разом предпринимает попытки вернуться и занять то место, которое так бездарно прос… покинул, в общем.

Если отбросить все описания, включая описание прекрасных фрау, с которыми Румянцева свела жизнь, то выходило следующее: герцог Мекленбурга согласен пропустить войска при нескольких условиях: мы помогаем ему с братом, как именно, ему безразлично, главное, чтобы он перестал его третировать.

Эту часть условий сделки я передал Ушакову, тут же набросав ему послание. Пускай начинает учиться работать за границей. Вторым условием было то, что я ни при каких условиях, никогда не допущу, чтобы военные действия снова проходили на территории Мекленбурга.

Каким образом я буду соблюдать это условие мне было не слишком понятно, но время до нашей очной встречи еще было, так же, как и возможность придумать что-нибудь приличное.

Я зажег свечу и сжег послание, а пепел потом тщательно растер в камине, который оставил в комнатах для красоты и создания уюта, потому что чисто для обогрева они здесь были не нужны, но как дополнительный источник тепла вполне подходили.

И только после этого вышел из кабинета и быстро направился к выходу. Олсуфьев поспешил за мной. уже через пару минут я был в седле. Скоро мне предстоит пройти самое пер-

вое мое по-настоящему суровое испытание – мне предстоит забрать у голландцев их гордость Ост-Индийскую компанию. А уж это было то еще испытание. Вот и посмотрим, чего я все-таки стою, тем более, что вся подготовительная работа уже давно была проведена. Так что, Амстердам, готовься, я еду, и да поможет мне Бог.

Глава 4

– То есть как вы складываете с себя полномочия? Пускай даже и временно? – Эрик Ван Хайден, который занимал должность президента совета директоров вытер лоб платком и с яростью посмотрел на возвышающегося над ним адмирала Хьюго Джексона, который руководил флотом компании.

– Сейчас, когда сложилась эта путаница, невозможно представить, что нас ждет дальше, – невозмутимо ответил англичанин, практически всю свою жизнь проживший в Голландии. – Если и раньше было сложно разобраться, кто имеет ответственность принятия решений, кто их не имеет, то было хотя бы ясно, что у всего совета директоров – ответственных участников, у всех шестидесяти почтенных джентльменов, имеется по одному проценту акций. Это много, учитывая, что остальные акционеры могли похвастаться одной-тремя штуками. Сейчас же сложилась такая ситуация, что практически все акции, кроме тех, в которые вцепился мертвой хваткой мистер Гудзон, принадлежат одному человеку. Скажите мне, кто из вас был настолько умным, что предложил собрать все ваши акции и поместить их в этот чертов банк? – на последнем слове адмирал не сдержался и повысил голос.

– Когда до нас дошли слухи, что кто-то скупает акции,

причем, дошли от немцев – почти триста акций хранились у них, мы решили, что это будет самый надежный способ, чтобы не возник соблазн продать их, ведь в последнее время компанию преследуют неудачи. Сколько кораблей не вернулось в Амстердам, а, мистер Джексон? А сколько из них вяли в качестве приза ваши соотечественники, получившие каперские свидетельства?

– Если рассуждать таким образом, то вы, гер Ван Линдан, должны радоваться тому, что проблема с английскими каперами теперь не ваша проблема и головная боль. А я так и не получил внятный ответ, когда акционеры получают долю ответственности?

– Когда у одного из них находится больше пятидесяти процентов акций, а мы не можем заплатить ему дивиденды вдобавок к его доле от стоимости товаров вернувшихся кораблей. Вот тогда акционер имеет право потребовать от нас все, что ему угодно, – сварливо ответил на вопрос адмирала еще один член совета директоров Питер ван Олаф. – В пределах полномочий компании, разумеется. И у нас есть крошечный шанс не объявлять о банкротстве из-за акций Гудзона. Но шанс этот крайне мал.

– Вот поэтому я пока складываю с себя полномочия, – мрачно заявил Джексон. – Я не знаю, что именно потребует у вас принц Петер. И, похоже, вы сами этого не знаете. У вас что, нет шпионов при русском дворе? Никогда не поверю в это.

– У нас есть шпионы при русском дворе! У нас нет шпионов при так называемом «молодом дворе», – Ван Хайден снова протер лоб платком. – Петер отличается некоей эксцентричностью, и я не берусь предсказать, какую именно стратегию он выберет. Так же как не понимаю, зачем ему вообще все это надо. Он же должен понимать, что в том случае, если он захочет возглавить компанию, она лишится многих привилегий, которые нам были предоставлены на правах фрахта: осуществление судебной деятельности, чеканка монет, представление в палатах наших делегатов…

– Эрик, неужели ты думаешь, что для русского престола это вообще важно? – перебил председателя ван Олаф. – Принц Петер – наследник Российского престола, у него и так будет право деньги печатать, когда он корону у этой вертихвостки Елисаветы примет. А свои люди в правительстве у русских царей, подозреваю, итак есть.

– Ну, не флот же наш ему понадобился, в конце концов! – вскричал молодой Хармсен.

– А, может быть, и флот.

– У нас не военные корабли, – мрачно ответил Джексон. – Хотя, если судить по состоянию русского флота, то и наши корабли им сгодятся, – и он презрительно скривил губу.

– А я говорил, что нужно что-то решать с Батавией! – снова взвился Хармсен. – Мы фактически из-за бесконечных беспорядков, которые там происходят, вынуждены были дополнительный объем акций на биржу выкинуть.

– А где сейчас генерал-губернатор Батавии? – тихо спросил председатель.

– Под арестом. Во время бунта там погибло так много дикарей, что мы не смогли закрыть на это глаза… – начал отвечать озадаченный ван Олаф. – Петеру не нужен сахарный тростник, русские делают сахар из свеклы. Но зато в Индонезии можно выращивать без разрушения почвы кофе, какао, рис, в конце концов. В России нет настолько теплых земель.

– И Петер нашел, где их взять, не объявляя никому войны, – ван Хайден расхохотался. – Вы вообще в курсе, что мы сами, своими руками отдали русским Индию!

– Возьмите себя в руки, Эрик, – поджал губы ван Олаф. – Все может быть не так уж и плачевно. В конце концов, Петер, может быть, все-таки больше немецкий герцог, чем русский князь. Пока он не приедет и не выскажет свое видение ситуации, гадать мы можем до бесконечности.

– А когда принц приедет? – Джексон думал о том, то, скорее всего, нужно будет переезжать в Англию, хотя, после последних слов Олафа, шевельнулась надежда на то, что не придется оставлять такое прибыльное место.

– Да кто же его знает, – пожал плечами ван Хайден, и Джексон, кивнув, что понял, вышел из комнаты совещаний. – Боюсь, что мы увидим еще не один подобный рапорт. – Он замолчал, а остальные из пятнадцати директоров, из тех, кто действительно принимал решения, молча с ним согласились.

***

– Господин Гудзон, я так рада с вами встретится, – Генри Гудзон, потомок знаменитого первооткрывателя склонился в глубоком поклоне, замерев от восхищения. Не зря, ой не зря королева Швеции считалась одной из красивейших женщин в Европе. – Я жажду услышать правдивые истории о жизни в колониях.

– Ваше величество, так добры, я чрезвычайно польщен таким интересом с вашей стороны, – Генри заметно оробел. Ему едва исполнилось двадцать лет, прошло уже полтора года с смерти его отца, и он наконец-то, вопреки предостережениям Джеймса Минневита, сына Петера Минневита, решил посетить Европу. – Боюсь, я не могу надолго остаться в Стокгольме, мне необходимо предоставить отчет о текущем положении дел Вест-Индийской компании совету директоров.

– Как интересно, – Луиза Ульрика стремительно прошла к небольшому диванчику и указала рукой на кресло, стоящее напротив. – Разве Ост-Индийская компания и Вест-Индийская компания – это не две разные компании?

– По названию да, ваше величество, но это номинальное разделение, чтобы не возникло путаницы с монопольным правом на торговлю. Восток-Запад, территорий слишком много. Но совет директоров, нормативная база и уставной капитал, а также флот и воинские подразделения у нас единые, – Генри смущало такое близкое соседство с Луизой,

и он снова покраснел.

«А вот Пётр никогда не краснел в моем присутствии. Напротив, своими шуточками, порой выходящими за грань приличий, он мог вогнать в краску меня», – Луиза старательно улыбалась, но вид краснеющего юноши ее почему-то раздражал.

– Господин Гудзон, скажите, вам нравится все время проводить за океаном? – он вздрогнул и посмотрел в холодные голубые глаза, смотрящей на него красавицы.

– Нет, ваше величество, – решительно ответил он. – Но, так уж получилось, что мне некуда возвращаться. Мой прадед Генри продал абсолютно все, когда отправился в Новый свет. Я не жалуюсь, и не могу назвать себя нищим человеком, но, боюсь, моих активов не хватило бы, чтобы купить небольшое поместье в какой-нибудь Европейской стране и подать прошение о присвоении мне дворянского звания.

– Ах, да, истинные республиканцы редко могут похвастаться титулами, хотя в благородстве их происхождения никто не сомневается, – Луиза стала серьезной и оценивающе оглядела сидящего перед ней юношу. Она не просто так позвала его к себе. В свое время она неплохо прикормила одного из пажей Елизаветы, который до сих пор исправно передавал ей в письмах о всех слухах и сплетнях, гуляющих по двору императрицы. И одной из сплетен была про неподдельный интерес наследника престола к Голландской Ост-Индийской компании, точнее, к акциям этой компании, да

такой, что он даже купцов, с которыми заключил, кажущиеся не слишком выгодные сделки, он выбирал по наличию этих акций, да еще земель в Африке. Как-будто кому-то та земля была нужна.

– Что поделать, ваше величество, нам остается лишь смириться с подобным положением, – Генри склонил голову в поклоне, но сделал он это лишь затем, чтобы королева не увидела промелькнувшую у него на лице горечь.

– Ах, вот в этом вы не правы, – воскликнула королева, и Генри почувствовал, что эта прекрасная женщина к нему почему-то расположена. – Не так давно, я слышала от его величества, что снова начались свары вокруг баронства Скалби. Мой Георг так сожалел о том, что не может отдать титул и поместье, которое находится, если честно, просто в ужасном состоянии, достойному человеку, который с гордостью пронесет титул барона Скалби по жизни, и передаст его своим потомкам. Вот только, есть небольшое препятствие, которое корона Швеции уже пятьдесят лет не может разрешить.

– И что же это за препятствие? – Генри поднял голову, демонстрируя сильную заинтересованность.

– На титул претендуют сразу двое потомков графа Дугласа. И оба они сами имеют титулы графа. Так что, дело здесь даже не в самом титуле, а в земле, сами понимаете. Но эта тяжба уже всех утомила, к тому же они оба имеют равные права на Скалби. При этом оба претендента уже даже готовы отдать свои права, но не просто так, а за определенную

компенсацию. Корона не может вмешиваться, так мы нарушим свою беспристрастность, но это ужасно утомляет, – Луиза поднесла ладонь ко лбу, показывая, как сильно ее утомил этот конфликт, который на самом деле уже давно перешел в вялотекущую стадию, его участники просто ждали, когда один из них умрет, и второй таким образом получит ненужное ему по большему счету поместье, которое даже продать нельзя. Но попробуй король забрать его, визгов бы было столько, что уже третий король пришел к выводу – оно того не стоит.

– И сколько же они хотят в качестве компенсации? – Генри облизнул ставшие внезапно сухими губы. Неужели ему представился шанс остаться здесь и не возвращаться в ненавистную колонию?

– Много, в этом-то и проблема, – всплеснула руками Луиза. На самом деле не так уж и много, но граф Дуглас упрется рогами, а говорят его супруга постаралась сделать их чудовищной величины, и ни в какую не хочет уступать права королю. Можно было, конечно, настоять, да даже арестовать упрямца по какому-нибудь надуманному поводу, но, во-первых, Георг был очень миролюбив и не любил конфликтов, а, во-вторых, они совсем недавно короновались, чтобы вот так, из-за пустяка настраивать против себя шведскую знать. – Если брать стоимость акций Голландской Ост-индийской компании, то, приблизительно, сто акций. Я по вашим глазам вижу, что вы готовы рискнуть переговорить с графом Дугла-

сом, этим мерзким старикашкой, ведь именно он решает, кому продаст права. Второму претенденту все равно, а вот второе препятствие как раз заключается в этом, нужно понравиться графу. Если вы немного задержитесь в Стокгольме, то я переговорю с его величеством, чтобы стать посредником. Меня граф Дуглас все-таки хоть немножко, но выносит.

– Не думаю, что найдется хоть один мужчина в мире, кто не восхищался бы вашей красотой и умом, ваше высочество, – пылко воскликнул юноша.

– Ну, как минимум один все же нашелся, – пробормотала Луиза, а вслух сказала. – Прекрасно, я пришлю вам ответ как можно скорее, а пока я все же хочу услышать про Новый Свет. Вы встречали дикарей? Расскажите мне о них, я жутко любопытна до различных диковинок.

***

Мы были в трех днях от Амстердама, когда меня перехватил посланник шведской королевы. Его проверяли долго и тщательно, прежде, чем пропустить ко мне, поэтому, когда он вошел ко мне в комнату в какой-то придорожной таверне, где мы вынуждены были остановиться, на ходу поправляя мундир, вид его был не очень доволен. Хотя, мне на тонкую душевную организацию какого-то там шведа, которого я впервые видел, было наплевать.

Комнаты в придорожном таверне, мимо которой мы совсем недавно проехали, мы обосновались, потому что конь Олсуфьева захромал, а при этой ней, я видел небольшую куз-

нецу. Уже неделю назад мы обогнали мою небольшую армию, а два дня назад в ту сторону, уехал присланный Соймоновым гонец, везший разрешение на перемещение полков по территории Голландии.

Этот же гонец передал мне послание от Криббе, в котором Гюнтер отчитывался о проделанный работе. А также о том, что шестой корабль прибыл, но, был один небольшой нюанс: капитан этого корабля, голландская часть команды, а также треть моих людей погибли в основном от дизентерии, те, которые пережили цингу. Случилось это невдалеке от берегов Англии, и Василий Гнедов, поставленный старшим помощником капитана по договоренности с купцом, который оснащал корабль, и оставшийся единственным старшим офицером, принял решение нанять часть команды из англичан, чтобы довести судно до Амстердама.

Теперь же нанятые моряки сидели на корабле и терпеливо ждали, когда я приеду, чтобы решить их судьбу, в том плане, что хотели остаться. Откуда у них появилось такое желание, лично мне было не слишком понятно, и я решил хотя бы с ними пообщаться, благо английский я знал. Худо-бедно из своего времени, лучше все-таки французский, да и тут подучил на всякий случай. Англичане считались чуть ли не лучшими моряками этого времени, и мне вдвойне непонятно, почему они захотели остаться на русском корабле, а этот корабль тоже был моим, потому что его хозяин, видимо, решил меня напарить и оставить без частичной оплаты по договору.

Я также терялся в догадках насчет тех трех деятелей, которые почему-то решили, что меня так просто можно напарить и зажать часть оплаты по договору. Или привыкли, что, заключая сделку с аристократами, могут себе позволить небольшие шалости? Что, мол, это выше достоинства Великого князя бегать за ними и вытрясать долги, так что ли?

Похоже, что они сами не ожидали, что я окажусь далеко не пацифистом, и что у меня хватает людей, чтобы бегать за должниками вместо меня. Мне самому даже знать необязательно, как именно Криббе выбивал из них недоимки. К тому же, так уж получилось, что один из тех, кто заключил со мной сделку, действительно испытывал определенные трудности, и рассчитывал заложить корабли, как только сумеет реализовать товары, прибывшие в Амстердам.

Гюнтер все тщательно проверил, пришел к выводу, что купец не врет, и от моего имени предоставил ему отсрочку, предупредив, что, если в дальнейшем возникнут какие-то трудности, то, желательно, предупреждать заранее. Уж на бумагу и чернила денег должно хватить.

Так что я не могу сказать, что Криббе пятки прижигает, отнимая последнее, он действует достаточно профессионально и в то же время сравнительно деликатно. Делает он совершенно правильно, мне еще с этими людьми работать, и надо сразу же поставить все точки в положенных местах.

– Свен Нильсон, ваше высочество, – я поднял взгляд на ввалившегося в мою комнату шведа, одергивающего на ходу

камзол и поправляющего шляпу. Комнату я все-таки решил снять, чтобы без помех письма Гюнтера и Соймонова прочитать, пока моя не слишком многочисленная команда обедает в общем зале. Кузнец, осмотрев копыта лошади Олсуфьева посоветовал все подковы поменять, потому что остальные тоже на ладан дышали. Мы согласились, и таким образом у всех появился незапланированный отдых, который каждый решил использовать по-своему. – Я привез послание от ее величества королевы Луизы Ульрики.

– Давайте ваше послание, господин Нильсон, – я немного удивленно посмотрел на молодого, высокого, красивого офицера, который вытащил довольно увесистый пакет, положил его на стол вместе с надушенным письмом, запах духов от которого заполнил комнату, но уходить не спешил. – Господин Нильсон, у вас для меня есть что-то еще?

– Да, ваше высочество, – он немного замялся, а потом выпалил. – На словах ее величество велела передать: «Считай, что это запоздалый подарок на рождение твоего сына». И еще, она просила не доверять всецело Макленбургскому семейству, потому что они вполне способны на предательство и удар в спину. – Я даже не заметил, как смял в руке письмо Соймонова, в котором тот подробнейшим образом описывал состояния кораблей, и что необходимо сделать с теми, которые вернулись из плаванья, чтобы они снова встали в строй. Откуда Луиза все про всех знает, черт бы ее подрал. И ведь нужно учитывать тот факт, что эта ведьма была родной сест-

рой Фридриха. Она дает совет не доверять Макленбургу, а ей самой я могу доверять?

– Ее величество еще что-то велела мне передать? – я положил письмо на стол, чтобы не измять его еще больше, потому что еще не дочитал до конца.

– Да, ваше высочество, – Нильсон склонил голову. – Ее величество велела мне не ждать ответа. А велела передать, что, когда все закончится, она ждет подробнейшего отчета со всеми грязными подробностями. – Он кашлянул. – Это не мои слова, это ее величество велела передать.

– Я верю, господин Нильсон, – я задумчиво смотрел на посланника. – Думаю, что обед за мой счет и эта комната, так же за мой счет, это то малое, чем я могу сейчас, практически в полевых условиях, вас отблагодарить. Адам Васильевич, – Олсуфьев стоял возле двери так тихо, что Нильсон вздрогнул, когда обернувшись, увидел секретаря за своей спиной, – проследите, пожалуйста, чтобы господин Нильсон был хорошо накормлен и передайте хозяину вместе с оплатой, что он остановится в этой комнате, когда мы уедем.

– Будет исполнено, ваше высочество, – он посторонился, пропуская Нильсона перед собой.

Я смотрел на пакет так, словно точно был уверен, что там парочка ядовитых змей, как минимум. Наконец, решив тренировать волю, я дочитал письмо Соймонова, и взял письмо, в котором должны были быть объяснения, что находится в пакете, как минимум.

"Дорогой Пётр, вот видишь, я научилась произносить и писать твое имя на русский манер. Больше, чем уверена, что на тебя моя маленькая победа над собой не произведет никакого впечатления, но сама-то я за себя могу порадоваться, не так ли?

Прежде всего хочу поздравить тебя с рождением наследника. Даже не представляю, кто этому рад больше: твоя мышка-жена, или царственная тетушка, но, неважно. Рождение сына, это действительно большое событие, особенно для человека твоего положения.

Теперь к делу. Одна птичка на хвосте мне принесла, что ты интересуешь акциями Голландской Ост-Индийской компании. Оказалось, они такие дорогие, прямо-таки жуть берет. Надеюсь, что они нужны тебе для дела, а не просто для того, чтобы потешить свое самолюбие, иначе получится, что ты просто выбрасываешь деньги на ветер, и это меня разочарует, а я пока не готова в тебе разочаровываться.

Так уж получилось, что в Стокгольме гостил молодой Генри Гудзон. Весьма приятный и симпатичный молодой человек, очень образованный и вполне умный. А как он рассказывает про жизнь в Новом Свете… В общем, мои восторги я оставляю при себе, и сообщаю следующее. Этот молодой человек так сильно хотел остаться в Европе, желательно, получив какой-нибудь титул, что даже не пожалел своей сотни акций, чтобы заткнуть ими рот одному мерзкому старику, и получить небольшое, но вполне крепкое

баронство. Точнее, он передал акции мне, как посреднику, а я постаралась расплатиться с графом Дугласом простым золотом и парой весьма неприятных минут, во время которых этот старик в мыслях меня раздел догола и бросил на кровать. Мне даже захотелось помыться после этого визита, но цель была достигнута, и юноша стал бароном. Таким образом, акции остались у меня.

Я долго думала, что же преподнести на рождение его высочества Павла, и пришла к выводу, что девять десятков акций Голландской Ост-Индийской компании вполне королевский подарок. Десять я оставила себе, и в качестве компенсации за потраченные деньги и очень неприятные минуты, а также из любопытства, хочется проверить, какую прибыль они принесут мне в будущем.

Как всегда, не твоя Луиза.

P. s. Чтобы не наломать дров, разберись с тем, чем Ост-Индийская компания отличается от Вест-Индийской компании, потому что мне намекнули, что между ними так много общего"

Я отложил письмо и осторожно вскрыл пакет. Так и есть, недостающие акции. Луиза-Луиза, я никогда не понимал тебя до конца и никогда не пойму. Что тобой движет? Какие у тебя цели?

Убрав акции обратно в пакет и запечатав его, растопив сургуч и скрепив печатью, я встал, набросил снятый камзол, и вышел из комнаты. Надеюсь, кузнец уже справился со сво-

ей задачей, и мы можем продолжать путь. Теперь у меня есть еще больше аргументов для встречи с советом директоров. И да, нужно выяснить, что это еще за Вест-Индийская компания?

Глава 5

– Господин Бестужев, в последнее время пробиться к вам еще сложнее, чем к ее величеству императрице, – Алексей Пётрович повернулся к вошедшему в кабинет английскому послу, и сардонически улыбнулся.

– Времена нынче не простые, господин Кармайкл. Война намечается с Фридрихом, но вам ли об этом не знать, ведь именно вы закрепили связи Фридриха с королем Георгом, – Джон Кармайкл замахал руками, но Бестужев прервал начавшиеся было протесты. – Не спорьте, я отлично знаю, что так и было. А ведь мне когда-то клятвенно обещали, что никаких общих дел с Фридрихом у Англии не будет.

– Ах, господин Бестужев, все течет и все изменяется. Ведь и вы обещали, что сумеете повлиять, если не на ее величество Елисавету, то по крайней мере сумеете найти подход к молодому двору. Насколько мне известно, наследник весьма благоволит королю Фридриху…

– У вас чрезвычайно устаревшие данные, господин Кармайкл. Если когда-то Пётр и испытывал благоговение перед его величеством Фридрихом, то сейчас откровенно мечтает выкинуть того из Саксонии, а желательно и из Пруссии.

– Да, но Пруссия… – Кармайкл нахмурил лоб, пытаясь представить, каким образом Пётр хочет выкинуть Фридриха

из его собственной страны.

– Вот именно, господин Кармайкл, вот именно. Я пытался не допустить этой войны, видит Бог, я пытался. Но ее величество под напором Шуваловых, Разумовского и Румянцева решила воевать. И даже Дубянский – духовник императрицы, положительно повлиял на Священный Синод в этом вопросе.

– А молодой двор? – Кармайкл судорожно соображал, что ему отвечать королю Георгу, который задал вопрос в полученном не так давно письме о творящихся непонятных пертурбациях в Речи посполитой.

– Пётр Фёдорович куда-то уехал вслед за выдвинувшейся небольшой армией из трех полков. А к Марии Алексеевне у меня нет подхода, она отвергает всех, в ком чувствует негативное отношение к своему мужу. Конечно, она еще молода, и сейчас, когда муж уехал неизвестно куда и неизвестно на какое время, на нее вполне можно попробовать повлиять. Тем более, что ее с Павлом Петровичем намедни перевезли сюда в Петербург, а ее величество окружила себя самыми блестящими кавалерами.

– Да, так оно и есть, – Кармайкл прищурился и улыбнулся. – Вот взять хотя бы Сергея Салтыкова. Такой красавец, даже моя жена от него немножко без ума. Даже жаль, что молодой человек не так богат. Если бы у него были средства, то он вполне мог бы затмить самых знаменитых соблазнителей.

– Боже мой, избавьте меня от столь гнусных подробно-

стей. К тому же, я ни разу не видел, чтобы Салтыков проявлял какой-то интерес к Великой княгине, а она нежно поглядывала бы в его сторону. Я имел в виду совсем не то, что вы предлагаете мне своими намеками, – Бестужев брезгливо поморщился. – Я думаю, что, попав в столь блестящее общество, Мария Алексеевна слегка выйдет из-под беспрекословного влияния мужа, и тогда можно подумать, как именно использовать это в своих целях. Но пока рано думать о чем-то подобном, тем более, что Пётр, прежде чем уехать, настоял на том, чтобы армию возглавил не мой протеже граф Апраксин, а этот старый пердун Ласси.

– Думаю, что пока не стоит волноваться, армия Ласси еще находится на территории Польши, в то время как, оставив Левальда в Берлине, мчится со всей возможной скоростью к Дрездену. Похоже, что судьба Саксонии решится в битве за Дрезден. Хотя, законных прав на Саксонию у ее величества Елисаветы, все же больше, тут уж не поспоришь. – Кармайкл и Бестужев замолчали, каждый думая о своем. Наконец, английский посол поднялся из своего кресла, в которое сел к неудовольствию Бестужева слишком уж по-хозяйски. Вице-канцлер хоть и был недоволен, но Кармайкла не одернул, лишь где-то глубоко внутри вяло возмутился. – И все же лорд Картерет весьма недоволен сложившимся положением. Ему кажется и не без оснований, что отношения между нашими странами, которые вроде бы начали налаживаться, снова охладели. Опять французы? Или появился кто-то

еще, кто настраивает ее величество против Англии? – Бестужев лишь пожал плечами. Вроде бы французов он сильно не замечал, хотя кто их знает, некоторые вещи начали доходить до него только в качестве слухов, как например слух про его скорую отставку. Алексей Пётрович не знал, во что верить, но то, что Елизавета заметно к нему охладела, уже замечали даже посторонние. – Господин Бестужев, вы могли бы мне организовать встречу с Великой княгиней Марией?

– Думаю, что это возможно, – осторожно ответил Алексей Пётрович.

– Тогда я буду ждать от вас записку с датой и временем. И, может быть вы знаете, что любит ее высочество?

– Мужа и сына, – Бестужев усмехнулся, глядя на промелькнувшее на лице посла недовольство. – Она любит фрукты и сдержанную благотворительность, в основном направленную на получение образования неимущими. Но, повторяю, она еще слишком молода и на нее пока еще возможно повлиять, особенно сейчас, когда рядом с ней нет церберов: ее мужа и его окружения. Именно сейчас Мария Алексеевна весьма уязвима.

– О, я это прекрасно понял, благодарю вас, господин Бестужев. – Посол отвесил неглубокий поклон и направился к двери.

– Я передам записку с нарочным, – сухо сказал ему вслед Алексей Петрович. В голове промелькнула подленькая мыслишка о том, что перед Петром все склонялись в полной

мере, этот мальчишка умел так зыркнуть, что спина сама собой в поклон сворачивалась. Хотя, насколько знал Бестужев, Кармайкл с Петром никогда не встречался, а то бы вице-канцлер ни за что не пропустил бы такого представления.

***

– Господин фельдмаршал, разрешите? – в шатер, в котором расположился Ласси и где сейчас проводилось совещание со старшими офицерами, заглянул молодой офицер в звании майора. Напрягая память, Ласси сам вспомнил, как зовут этого майора – Олег Груздев.

– Да, майор, заходи, – фельдмаршал махнул рукой, призывая его войти в шатер. – Помниться, я отправлял тебя за фуражом для лошадей в ближайшую деревню, потому что наш обоз где-то, видимо, застрял на просторах Речи посполитой, – Ласси не устраивало такое положение дел, и он по примеру Великого князя завел себе книгу, в которой писал, что именно в каких родах войск его не устраивает. Так он не забывал в горячке боя, что конкретно его не устроило, и мог уже в перерыве между боями начать решать эту проблему.

– Все верно, господин фельдмаршал, – Груздев явно колебался. Что-то произошло, но он почему-то не мог сказать, что было на него совершенно не похоже. Ласси и выбрал-то майора, потому что тот был настолько обаятельный сукин сын, что мог выпросить что угодно у кого угодно. А уж при наличии денег, которыми его обеспечил фельдмаршал, и уж подавно фураж для лошадей должен был быть закуплен.

– Майор, не тяни кота за причинное место, говори прямо, что произошло? – Груздев глянул на смотрящих на него генералов и смутился еще больше, но потом вскинул голову и протянул фельдмаршалу пару листов.

– Мы объехали три деревни и только в последней нашли людей. Староста там оказался бывшим военным, который и поведал мне, почему перед нашей армией народ разбегается, в леса подается. Вот из-за этого, – и он кивнул на листы, которые в это время рассматривал хмурый фельдмаршал. Ласси грязно выругался на ирландском наречии, которое, надо признать, начал уже забывать, столько лет прошло, как они вынуждены были бежать во Францию с родной земли. швырнув листы на стол, над которыми тут же склонились офицеры, он вскочил на ноги, с небывалой для его возраста прытью, и начал мерить шатер шагами.

– Что за мерзость, – вскричал казачий атаман Кочевой, отбрасывая в сторону листы. – Нет, я понимаю, всяко моет случиться, это война, мать ее ити, но, чтобы православный воин… Кто это придумал?

– Англичане, – устало проговорил Ласси потирая лоб из-за внезапно разболевшейся головы. – Они так уже делали… в Ирландии, полагаю, что не только там.

– Русские солдаты едят детей? Что за бред? – генерал-майор Зиновьев поворачивал картинку и так, и этак, чтобы рассмотреть подробности. – Ну, изобразить государыню в виде медведицы не самая умная идея, она ведь может обидеться,

а Елизавета Петровна известна тем, что не прощает обиды, и тогда полетят головы, и прежде всего голова Бестужева, который очень хочет, чтобы Российская империя в союз с этими шутниками вступила. – Он поднял голову и посмотрел на Груздева. – И что, эти люди в это верят? Они же ни разу русских в глаза не видели.

– Верят, – Груздев задумался, вспоминая, как в одном из дворов в той третьей деревне, где староста поумнее оказался, какая-то баба падала перед ним на колени и умоляла не трогать ее дитя. Он долго тогда удивлялся, с чего она вообще взяла, что ему на кой-то ляд ее ребенок понадобился.

– И что будем делать, господа? – Ласси справился с волнением и повернулся к своим офицерам. Ситуация на самом деле была нехорошая. Если местные жители не будут к ним хотя бы нейтрально относиться, сложность задачи увеличится в разы.

– А его высочество предупреждал, что так оно и будет, – вздохнул Иван Лопухин, который в чине полковника сам напросился к Ласси, чтобы опыта поднабраться. – Просто я не поверил, слишком невероятно все это звучало.

– И что же, его высочество что-то посоветовал предпринять? – Зиновьев внимательно посмотрел на Лопухина.

– Вообще-то, да, – Иван замолчал, а затем добавил. – Его высочество сказал, чтобы мы ни в коем случае не пытались переубедить жителей в обратном. Во-первых, это бесполезно, во-вторых, мы только зря потеряем время. Он велел нам

действовать как обычно, ни лучше, но и, не приведи Господь, ни хуже. Да, как всем известно, у его высочества издается журнал, ну тот, где срамные гравюры отпечатаны, – практически все мужчины, сидящие в комнате, разом принялись смотреть по сторонам, потому что у каждого из них парочка была припасена в седельных сумках. – Его высочество поручил художнику нарисовать несколько картинок вот таких вот, – он кивнул на стол, только там в прусские солдаты должны быть изображены и король Фридрих. Я так понимаю, что их вырезают на дереве, как буквы для газет и потом… вот, – и он вытащил из-за пазухи несколько листов. – Таких картинок много напечатано. Его высочество велел пустить впереди войска небольшой конный отряд, и чтобы они разбрасывали их во всех деревнях, кои на пути встретятся. Прусаки здесь тоже пришлые, поэтому картинкам поверят.

– Ну-у-у, – протянул Ласси, разглядывая картинку. – Художник явно привык полуголых девиц рисовать, здесь тоже все весьма… да… весьма. А вот эта, где король Фридрих верхом на барабане с, пардон, голым задом… Это что-то должно значить?

– Его высочество часто отмечал не слишком здоровое влечение его величества к барабанам, но прямо на этот вопрос не отвечал, хотя слухи ходят… – Лопухин замолчал, и Ласси постарался быстро свернуть скользкую тему в сторону. – Но, это будет не слишком? Вот это разбрасывать?

– Не слишком, – отрезал Ласси. – Если враг дошел до та-

ких подлостей, то надо ждать от него не меньших подлостей в бою, а раз так, то нужно показать, что мы тоже можем ответить такими же подлостями и Фридрих не должен нас недооценивать. Что касается самого Фридриха – это всего лишь слухи, поэтому мы не буем их здесь озвучивать и распространять. Но картинка забавная, – Ласси аккуратно свернул образцы и аккуратно положил на стол. – Думаю, мы так и поступим. Разбросаем пасквили по улицам поселений. Люди будут растеряны и не будут понимать, во что верить. Или начнут бояться обе армии, что тоже не исключено, но нам в какой-то мере на руку. А теперь вернемся к нашему плану. – Ласси развернул на столе карту. – Его высочество отдельно настаивал на том, чтобы мы вышли к Дрездену раньше Фридриха. Чтобы остановились у города и ждали сигнал. Какой именно сигнал нам следует ожидать? Никто не знает. И я тоже не знаю. Пётр Фёдорович лишь сказал, что мы сами поймем. Только вот неувязка какая – мы не можем подойти к городу первыми, вот хоть тресни, не можем. Фридрих со своей двадцатитысячной армией уже на полпути, а мы, хорошо, если на треть.

– Ну это же очевидно, Пётр Петрович, – поднялся Кочевой и взял слово. – Как скоро башкиры подойдут?

– Дня через три должны догнать.

– Вот тогда мы с ними о двуконях и пойдем пруссакам навстречу. Пощипать прямо на марше – уж кто-то, а башкиры любят подобные забавы. Так что мы сумеем их основательно

задержать, – Ласси задумался, затем кивнул.

– Да, так и поступим, а пока ждем башкирскую конницу, не сочти за труд передавай своим парням эти пасквили, пускай с разведкой едут, да по деревням проезжаются. На такую… хм… жертву прусаков много кто сбежится посмотреть. Эти картинки еще и вырывать друг у друга будут. Да, майор, а фураж лошадям ты купил?

– Конечно, господин фельдмаршал, – Груздев пожал плечами и ослепительно улыбнулся.

– Отлично. Тогда, думаю, нам нужно продолжить наш марш, – офицеры поднялись со своих мест и потянулись к выходу, негромко переговариваясь между собой.

– Как ты думаешь, Пётр Петрович, дойдем ли мы до Дрездена ни разу с прусаками не повстречавшись? – оставшийся в шатре фельдмаршала Пётр Семенович Салтыков со своего места изучал карту местности.

– Вот уж вряд ли, – Ласси вздохнул. – Я точно знаю, что нам навстречу Курт фон Шверин с двенадцатью тысячами прет. Нам остается лишь выбрать наиболее подходящее место, чтобы бой принять, имея хоть небольшие преимущества.

– Преимущества мы уже имеем, главное, чтобы покрепче Данилова к телеге привязать, чтобы он своими гаубицами не хвастал направо-налево. Молод еще шибко, все хочет славы, да почета.

– А кто их не хочет? – Ласси провел пальцем по карте. –

Это правда, что его гаубицы поверх голов солдат могут стрелять?

– Да, я присутствовал при их испытаниях, – кивнул Салтыков. – А еще я был в Туле. – Он задумчиво посмотрел на Ласси. – Ты же слышал, какого шороху навел Великий князь, когда путешествовал до Урала?

– Об этом путешествии вся Российская империя знает, – хмыкнул Ласси.

– А ты знаешь, что он готов дать послабление Туле и увеличить срок долговых работ для торгового люда, ежели они поспособствуют работе химиков и оружейных мастеровых, чтобы они сумели такой состав изобрести и применить его в оружие, которые позволят порох на полку не насыпать?

– Это невозможно, – неуверенно проговорил Ласси. – А как тогда его поджигать?

– Загадка, которую сразу два мастера обещали ему решить, как только найдут вещество, способное от удара порох воспламенять, – Салтыков вздохнул. – Сказки это, конечно, но только представь себе, как бы изменился характер боя в таком случае.

– Даже представлять не хочу, зачем голову несуществующими мечтами забивать, когда у нас скоро бой предстоит? Фон Шверин серьезный противник, его никак нельзя недооценивать.

– Тогда ищи место, где на подходе пруссаки будут ниже нас, – посоветовал Салтыков. – Тогда и солдат сбережем и

гаубицы к радости Данилова испытаем. – Он встал и пошел к выходу из шатра, бросив по дороге взгляд на картинки, представляющие русскую армию в омерзительном свете. Детей жрем, надо же. А евреи кровью младенцев причащаются. И что еще, господа из Ганновера, вы сможете придумать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.